

Задача Великого поручения: метод ученичества

Дэвид Доран

Материал взят из 5-ой главы книги Дэвида Дорана, Пирсона Джонсона и Бенджамина Экмана: Doran D., Johnson P., Eckman B. *For the Sake of His Name: Challenging a New Generation for World Missions*. Student Global Impact, 2002. С. 94-110.

Переведено и опубликовано на сайте www.propovedi.ru с разрешения правообладателя.

Д-р Дэвид Доран – старший пастор баптистской церкви «Интер-Сити» в Эллен-Парк, Мичиган, США, а также президент Детройтской баптистской богословской семинарии. Кроме того, д-р Доран – заведующий кафедрой практического богословия и ответственный за преподавание основных предметов по практическому богословию в программе магистра практического богословия. Он окончил Университет Боба Джонса (бакалавр искусств), Детройтскую баптистскую богословскую семинарию (магистр практического богословия, магистр богословия) и Евангельскую богословскую семинарию «Тринити» (доктор служения).

*И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство
Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас
незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого.*

– 1 Коринфянам 2:1-2

Хотя в Матфея 28:19-20 нет четкого описания процесса приобретения учеников, для исполнения главного повеления этого текста требуется ответить на следующий вопрос: «Как приобретать учеников?» В прошлом на этот вопрос отвечали простыми словами, такими как благовестие или проповедь Евангелия.

Церковь рассматривала Великое поручение как повеление нести Евангелие до края земли, чтобы оно было провозглашено заблудшим.

Другие тексты, содержащие это поручение, говорят немного подробнее: «Проповедуйте Евангелие» (Мар. 16:15), «и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах» (Лук. 24:47), «вы... будете Моими свидетелями» (Деян. 1:8, ср. Лук. 24:48) и «также и вы будете свидетельствовать» (Иоан. 15:27).

Провозглашение благой вести Иисуса Христа считалось ключом к приобретению учеников и, следовательно, ключом к выполнению Великого поручения. Поэтому нам не следует удивляться, что книга Деяния апостолов описывает задачу церкви по приобретению учеников как служение Слова. Вероятно, наиболее ясно эта связь выражена в Деяниях 6:7: «И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере». Здесь показана прямая связь между служением Слова (см. 6:1-6) и задачей по приобретению учеников. Это подтверждается тем, что в Деяниях неоднократно подчеркивается распространение Слова (например, 12:24, 13:49, 19:20) и приоритет проповеди (например, 6:4, 14:15, 15:35, 18:5, 28:31). Если смотреть с точки зрения Деяний, Великое поручение исполнялось через провозглашение Слова.

Об этом говорится не только в книге Деяния апостолов. Послания также подкрепляют такое понимание сути Великого поручения. В Послании к римлянам 10:13-17 Павел однозначно утверждает абсолютную необходимость устного провозглашения Евангелия для выполнения задачи миссий. Логика его аргумента безупречна и неоспорима: поскольку спасение обретается только через личную веру в

Иисуса Христа, то спасены могут быть только те, кто услышит о Нем и призовет Его имя. Этот аргумент достигает своей кульминации в словах: «Итак, вера от слышания, а слышание от Слова Божия» (Рим. 10:17). И, согласно утверждениям в 14-15 стихах, как Слово, так и слышание неразрывно связаны с проповедником.

В 1 Коринфянам 1:17-2:5 Павел приводит подробное рассуждение о важности проповеди, причем проповеди ясного, неразбавленного Евангелия о кресте. Видимо, увлеченные софистикой коринфяне желали использовать нечто менее оскорбительное и менее «юродивое», чем эта весть и этот метод. И все же, в своей защите проповеди Евангелия Павел неопровержимо доказывает, что это не просто один из многих методов, которые Бог предназначил нам использовать для выполнения Великого поручения, но это единственный установленный Богом метод. Слово о кресте – это именно то средство, которым должно быть выполнено Великое поручение.

Удивительное действие Бога в Фессалонике также подтверждает, что служение Слова – это ключ к выполнению Великого поручения. Обратите внимание, как Павел описывает это действие:

Потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением, как вы сами знаете, каковы были мы для вас между вами. И вы сделали подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святого, так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать (1 Фес. 1:5-8).

Слово было в центре всего, что там произошло. Служение апостола описывается как провозглашение Слова, а обращение фессалоникийцев заключалось в принятии этого Слова. В результате коренных перемен, которые произвело *в них* Слово, они стали образцовой группой верующих, потому что теперь Слово пронеслось *от них*. Они стали христианами через Слово и теперь живут как христиане, распространяя это Слово. Не стоит удивляться тому, что Павел просил именно этих верующих: «Итак, молитесь за нас, братья, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас» (2 Фес. 3:1).

Переменчивая форма евангельских миссий

Свидетельства о том, что выполнение Великого поручения заключается в провозглашении Евангелия через служение Слова, более чем убедительны, и все же в миссионерском мышлении и литературе о миссиях произошло значительное отклонение от такого понимания. Я считаю, что этот сдвиг идет вразрез с Писанием и серьезно угрожает выполнению поручения Христа Своей Церкви. Реальность этой угрозы нельзя отрицать и ее не следует игнорировать.

Миссия или миссии?

Размышляя об упадке «Студенческого движения добровольцев для миссий», следует признать один главный фактор – отход от провозглашающего благовестия, как так называемому более широкому, или целостному благовестию¹. К сожалению,

¹ О «Студенческом движении добровольцев для миссий» см. вторую главу той же книги: *For the Sake of His Name: Challenging a New Generation for World Missions*. Также см.: Johnston A. *The Battle of World Evangelism*. Wheaton, IL: Victor, 1978.

евангельское христианство снова двигалось по той же нисходящей линии за годы после Конгресса всемирного благовестия, проходившего в Лозанне (Швейцария) в 1974 году. Перед этим конгрессом велась серьезная полемика о соотношении благовестия и социальных программ. Некоторые считали эту полемику «неоконченным делом» предыдущей крупной евангельской конференции по благовестию, проходившей в Берлине в 1966 году². За восемь лет между этими конференциями в евангельском христианстве наблюдалось движение в сторону социальных проектов. Обратите внимание на положительную оценку Эдварда Дейтона:

В течение восьми лет между Берлином и Лозанной в евангельской части Церкви Христовой происходило значительное движение... Лозаннский конгресс проводился для тех, кто участвует в попытках благовествовать миру, но Святой Дух также побуждал разум мужчин и женщин расширить наше представление о том, что значит благовествовать. «Лозаннское соглашение» значительно расширило наше мировоззрение. Мы были призваны понять, что задача благовестия не ограничена распространением информации об Иисусе. Нужно еще жизнь прожить. Мы увидели нужду в широком искуплении мира во всех его аспектах... Год Лозанны – 1974 – также можно назвать поворотным моментом для интереса к социальным проблемам в западном евангельском христианстве³.

То, что Дейтон считает прогрессом, я считаю упадком, это возврат к порочному мышлению экуменического движения, в котором социальные программы вытеснили благовестие.

Пожалуй, главный архитектор и защитник этого сдвига в мышлении – Джон Стотт, выдающийся писатель и руководитель Лозаннского движения. И своей работой над публикацией «Лозаннского соглашения» с сопровождающими разъяснениями и комментариями, и собственными книгами по этому вопросу Стотт проложил курс для включения социальных программ в задачу евангельских христиан. Он предложил это как попытку справиться с предшествующими неудачами евангельского христианства. Вот его слова:

Одной из самых заметных особенностей всемирного евангельского движения за последние десять-пятнадцать лет [ок. 1970-1985] было возрождение нашей временно утерянной социальной сознательности. В течение приблизительно пятидесяти лет (ок. 1920-1970) евангельские христиане были поглощены защитой исторической библейской веры от нападков богословского либерализма, негативно реагируя на его «социальное евангелие». Но теперь мы убеждены, что Бог дал нам как социальные обязанности, так и обязанности по благовестию в Его мире⁴.

Подтверждая оценку Дейтона, Стотт точно обозначил Лозанну «поворотным пунктом для всемирного евангельского сообщества», потому что она установила принцип, согласно которому и благовестие, и общественно-политическая работа составляют христианский долг⁵.

Как же «всемирное евангельское сообщество» пришло к представлению, что общественно-политическая работа входит в христианский долг? Кардинальный сдвиг в

² Johnston A. *The Battle of World Evangelism*. С. 221.

³ Dayton E. *Social Transformation: The Mission of God // The Church in Response to Human Need*. Под ред. Samuel V., Sugden C. Grand Rapids: Eerdmans, 1987. С. 53.

⁴ Stott J. *Decisive Issues Facing Christians Today*. 2-е изд. Grand Rapids: Revell, 1990. С. xi.

⁵ Там же. С. 9-10.

мышлении стал заметным и распространяющимся благодаря новому определению христианской миссии. В прошлом понятия о миссии и миссионерстве направляли наше внимание на данное Господом поручение благовествовать и приобретать учеников. Стотт и другие призвали к пересмотру этих терминов, чтобы миссия охватывала всё, «для чего Христос послал Свой народ в этот мир», и что это «не может ограничиваться провозглашающим благовестием»⁶. В частности, он утверждает:

Вместо того, чтобы пытаться уклоняться от нашей социальной ответственности, мы должны прислушиваться к голосу Того, Кто призывает Свой народ в каждой эпохе идти к погибающему и покинутому миру (как делал Он), чтобы жить и любить, свидетельствовать и служить подобно Ему и ради Него. Вот, что такое «миссия». Миссия – это наш человеческий отклик на божественное поручение. Это весь христианский образ жизни, включающий как благовестие, так и социальную ответственность, направляемый убежденностью, что Христос посылает нас в мир, как Отец послал Его в мир, и что мы должны идти в мир – чтобы жить и трудиться для Него⁷.

Для Стотта христианская миссия двойная: это благовестие и социальное служение. Этот едва заметный сдвиг в терминологии – от «миссий» (множественное число) к «миссии» (единственное число) – свидетельствует об огромном сдвиге в богословии и философии.

Хотя в Лозанне говорили о логическом приоритете благовестия, там ясно утверждалось, что *как* благовестие, *так и* социальное служение составляют христианскую миссию. В Лозаннском соглашении даже говорится, что «мы раскаиваемся как в нашей небрежности, так и в том, что мы иногда считали евангелизацию и социальную ответственность несовместимыми друг с другом»⁸. Разъяснение и комментарий к этим словам заходят еще дальше:

Мы раскаиваемся как в нашей небрежности по отношению к нашей христианской социальной ответственности, так и в своем наивном противопоставлении, что мы иногда считали евангелизацию и социальную ответственность несовместимыми друг с другом. Это умеренная формулировка исповедания. Большая группа в Лозанне, заинтересованная в развитии радикального христианского ученичества, выразилась более резко: «Мы должны отвергнуть как бесовское учение попытку вбить клин между евангелизацией и социальным служением»⁹.

Итак, по сути, здесь видны не столько две отдельные части одной миссии, сколько два вида деятельности, которые нельзя отделять друг от друга, то есть, делая одно, мы делаем и другое. В результате дальнейшей работы Лозаннского движения была детально сформулирована взаимосвязь между благовестием и социальным служением. В 1982 году, в составленном в Гранд-Рапидс «Отчете о евангелизации и социальной ответственности» были изложены три аспекта такой взаимосвязи:

Во-первых, социальное служение – это *следствие* благовестия. То есть, благовестие – это средство, которым Бог приводит людей к новому рождению, и их новая жизнь проявляет себя в служении другим... Однако мы можем пойти дальше этого.

⁶ Stott J. *The Contemporary Christian*. Downers Grove: InterVarsity, 1992. С. 342.

⁷ Stott J. *Decisive Issues*. С. 15.

⁸ Stott J., ред. *Making Christ Known: Historic Mission Documents from the Lausanne Movement 1974-1989*. Grand Rapids: Eerdmans, 1996. С. 24.

⁹ Там же. С. 24.

Социальная ответственность – не только следствие благовестия, это одна из его основных целей.

Во-вторых, социальное служение может быть *мостом* к благовестию. Оно может разрушить предубеждения и подозрительность, открыть закрытые двери и способствовать слушанию Евангелия. Сам Иисус иногда совершал труд милосердия перед тем, как проповедовать Благою весть о Божьем Царстве...

В-третьих, социальное служение не только идет после благовестия как его следствие и цель и перед ним как мост, но и сопровождает его как *партнер*. Они как два лезвия ножниц или два крыла птицы. Такое партнерство явно видно в общественном служении Иисуса, Который не только проповедовал Евангелие, но и кормил голодных и исцелял больных. В Его служении *kerygma* (провозглашение) и *diakonia* (служение) шли рука об руку. Его слова объясняли Его служение, а Его служение служило иллюстрацией Его слов. Оба служения выражали Его сострадание к людям, и оба должны выражать наше...

Таким образом, благовестие и социальная ответственность, хотя и отличаются друг от друга, неразрывно соединены в нашем провозглашении Евангелия и послушании ему. Такое партнерство – это, по сути, супружество¹⁰.

Учитывая такую точку зрения, не удивительно услышать от одного из членов этого совещания следующий вывод: «И что же значит для христианина социальное преобразование? Разве это не то самое дело, которым занимается Бог, а именно, искупление мира? И разве миссия церкви не в том, чтобы совершить всестороннее социальное преобразование?»¹¹

Воплощение или провозглашение?

Как вы могли заметить в предыдущем разделе, основание для перехода от «миссий» к «миссии», как утверждается, значительно (если не исключительно) опирается на пример Иисуса Христа. Джон Стотт особенно выделяет аргумент, что два текста из Евангелия от Иоанна закладывают верное основание для понимания христианской миссии: «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир», – и: «Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Иоан. 17:18 и 20:21 соответственно). Комментируя Лозаннское соглашение, Стотт пишет:

Начальное утверждение вторит молитве и поручению Христа (Иоан. 17:18; 20:21): *мы утверждаем, что Христос посылает Свой искупленный народ в мир так же, как и Отец послал Его*. Оно признает, что миссия Христа в мире должна быть образцом для миссии Церкви (заметьте «как... так и» в обоих текстах), и что *это требует от нас глубокого и полного проникновения в мир*¹².

Главная опора для позиции Стотта – это выражение «как... так и» в этих двух текстах. Он считает, что такое выражение устанавливает модель для нашей миссии, модель воплощения.

¹⁰ Там же. С. 181-182.

¹¹ Dayton E. *Social Transformation: The Mission of God*. С. 54.

¹² Stott J. *Making Christ Known*. С. 29.

Ведь если христианская миссия должна следовать образцу миссии Христа, то для нас, как и для Него, эта миссия явно должна включать вход в миры других людей... Миссия по модели воплощения, будь то благовестие, или социальная работа, или и то и другое, неизбежно влечет за собой жертвенную солидарность с людьми в их реальных ситуациях¹³.

В другом месте он развивает этот аргумент:

Я также не могу отказаться от убежденности в том, что наша миссия должна следовать образцу миссии Христа. Его любовь к нам подобна любви Отца к Нему, и точно так же Он посылает нас в мир, как Отец послал Его в мир. Если в служении Христа слова и дела шли рядом, то так же должно быть и в нашем служении¹⁴.

Стотт без колебаний принимает эти тексты как учение, излагающее нормативную модель миссии:

Теперь Он посылает нас в мир, как Отец послал Его в мир. Другими словами, наша миссия должна совершаться по образцу Его миссии. Поистине, всякая подлинная миссия – это миссия по модели воплощения. Она требует солидарности без потери индивидуальности. Это значит входить в миры других людей, как Он вошел в наш мир, причем не поступаясь нашими христианскими убеждениями, ценностями или стандартами... Это и есть принцип воплощения. Это солидарность с людьми там, где они находятся¹⁵.

Я считаю, что посредством этих двух видоизменений произошла коренная переделка сути евангельских миссий. Переход от «миссий» к «миссии» открыл дверь быстрому распространению социальных программ, которые были признаны неотъемлемой частью христианской миссии. Переход христианской миссии на модель воплощения вместо модели провозглашения закрепил представление о том, что слова и дела наравне входят в наше свидетельство. По сути, согласно этому взгляду, без дел нашим словам не хватает убедительности.

Я не пожалел ни сил, ни места, чтобы описать этот подход, и для этого есть две причины. Во-первых, как положено, мы должны знать, что было сказано, прежде чем сможем верно оценить это. Я не хочу сражаться с соломенным чучелом, поэтому я хотел дать вам возможность увидеть, что было сказано, чтобы вы могли оценить и эту позицию, и мою критику. Во-вторых, и это, пожалуй, беспокоит меня больше, я заметил, что многие из этих аргументов начали проникать в фундаменталистскую проповедь и учение о миссиях и благовестии. Показывая, откуда происходят эти идеи и к чему они приводят, я надеюсь, что это побудит нас тщательно обдумывать далеко идущие последствия незначительных на первый взгляд изменений в терминах и понятиях.

Оценка целостной миссии и модели воплощения

Что же не так с предложенным Стоттом определением миссии и формулировкой служения по модели воплощения? Я считаю, сначала мы должны поставить вопрос о несколько произвольном выборе текстов Иоанна 17:18 и 20:21 в качестве основания для определения миссии. В свете того, что во всех остальных

¹³ Stott J. *Decisive Issues*. С. 21-22.

¹⁴ Stott J. *The Contemporary Christian*. С. 342.

¹⁵ Там же. С. 358.

текстах о Великом поручении явно подчеркивается провозглашение, новое определение миссии, основанное на этих двух несколько неясных текстах, кажется весьма натянутым. Говоря «неясных», я имею в виду, что в них не указан характер нашего поручения, то есть, они ничего не говорят нам о том, *что именно* мы должны делать. С точки зрения библейского толкования, правильный подход к изучению темы о миссии заключался бы в том, чтобы сопоставить все тексты о Великом поручении, двигаясь от наиболее ясных к менее ясным. По какой-то причине Стотт, фактически, двигается в противоположном направлении. Матфея 28:19-20, Марка 16:15, Луки 24:47 и Деяния 1:8 – все эти тексты приходится подгонять под модель воплощения. Но в каждом из этих текстов главное – это явно провозглашение, а не воплощение. Правильный метод изучения состоит в том, чтобы определить, как Иоанна 17:18 и 20:21 согласуются с тем, что говорится в других текстах.

Но даже если мы согласимся с аргументом Стотта, что эти два текста устанавливают библейский образец для миссий, его заявление, что эти тексты написаны, чтобы установить модель воплощения для миссий, ошибочно. Решив сосредоточиться лишь на словах «как... так и», Стотт упустил суть этих текстов. В свете более широкого контекста Евангелия от Иоанна главный акцент в этих текстах сделан на словах «послал» (17:18) и «послал/посылаю» (20:21). Фактически, сосредоточив внимание на словах «как... так и», Стотт свел все рассуждения к тому, как пришел Иисус, а не как Он был послан Отцом, хотя именно в этом суть данных текстов. Точно так же, как Иисус был послан Своим Отцом исполнить волю Отца, теперь ученикам дано задание от Сына исполнить Его волю и совершить Его дело. Фон для такого понимания дает Иоанна 4:34: «Иисус говорит им: “Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его”». Выражения с идеей «посылать» (41 раз в Евангелии от Иоанна) говорят о наделении полномочиями и об ответственности за послушание того, кто послан¹⁶. Что касается Иисуса, Он проявил полную зависимость от Отца и полное послушание Ему¹⁷. Если здесь и дан образец для учеников, то он в том, что мы должны быть зависимыми от Иисуса Христа и полностью послушными Ему, поскольку теперь Он пославший, а мы посланные.

Особого внимания в Евангелии от Иоанна заслуживает связь между идеей «посылать/идти» и темой жатвы, принесения плодов и свидетельства¹⁸. Например:

- «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их» (4:38).
- «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам» (15:16).
- «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною» (15:26-27).

Ключ к пониманию того, что Иисус имел в виду в 17:18 и 20:21, это использование идеи «посылать» в 4:34-38. Там в контексте благовестия Иисус говорит: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его». Исходя из приверженности исполнять волю Своего Отца (то есть, участвовать в жатве, см. ст. 35-37), Он посылает учеников на жатву (ст. 38).

¹⁶ Kostenberger A. *The Mission of Jesus and the Disciples According to the Fourth Gospel*. Grand Rapids: Eerdmans, 1998. С. 107.

¹⁷ Carson D. *The Gospel According to John*. Grand Rapids: Eerdmans, 1991. С. 648.

¹⁸ Kostenberger A. *The Mission of Jesus and the Disciples*. С. 141.

Даже из ближайшего контекста Иоанна 17:18 и 20:21 становится ясно, что Иисус не поручает Своим ученикам заниматься социальным служением. Эта идея совершенно чужда контексту обоих отрывков, а привносить ее туда из других текстов Евангелия недопустимо. Как отмечает Карсон, «обращаться к нескольким стихам из Луки, чтобы выяснить, что главное в понимании миссии у Иоанна, – неоправданно»¹⁹. Нам следует спросить: «Что ближайший контекст этих стихов говорит нам о миссии, которую Иисус имел в виду для Своих учеников?» Если мы будем искать ответ на этот вопрос в Иоанна 17, мы довольно скоро увидим, что миссия Иисуса заключалась в том, чтобы открыть имя Отца ученикам, передав им Его Слово. Об этом ясно говорится в стихах 4-6:

Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое.

Очень важно увидеть здесь следующую цепочку: (1) Иисус исполнил «дело», на которое был послан; (2) это дело заключалось в том, чтобы открыть имя Отца людям, которых Отец дал Ему «от мира» (ст. 6), и (3) то, что эти люди были даны Христу, подтверждается тем, что они «сохранили» слово Отца. Итак, в данном контексте Иисус имеет в виду поручение, если оно действительно следует образцу Его собственного поручения, которое заключается в том, чтобы открыть имя Христа через слово. Это подтверждается тем, что слово подчеркивается в 8, 14, 17 и особенно в 20 стихе, где Иисус говорит: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня *по слову их*» (курсив добавлен. – *Примеч. пер.*). Главная идея этого текста – не воплощение, а провозглашение Божьего Слова.

То же самое можно сказать о контексте 20:21. Хотя это очень сложный текст, но сразу после высказывания на тему «посылать» речь идет о прощении грехов, а не о делах милосердия или о служении. Символическое дарование Духа (ст. 22) связано с поручением в 21 стихе²⁰. Служение Духа во всем Евангелии от Иоанна явно связано с задачей свидетельства (см. 3:34; 15:26-27; 16:7-11), не говоря уже о том, что и в Евангелии от Луки, и в Деяниях принятие Духа связано с задачей свидетельства (Лук. 24:47-49; Деян. 1:8).

В контексте этих стихов попросту нет ничего, что поддерживало бы аргумент о социальном служении. Напротив, контекст ясно говорит, что ученики были посланы Иисусом Христом для свидетельства о Нем, и что другие должны уверовать в Него по их слову. Костенбергер весьма прямолинейно выступает против позиции Стотта:

Представление о миссии учеников как о «служении человечеству», по примеру миссии Самого Иисуса, вопреки утверждениям Стотта, не согласуется с учением Четвертого Евангелия о миссии. Сосредоточенность на служении людям и на нуждах людей, хотя и типична для современного миссионерского служения, не представлена в Четвертом Евангелии как главная цель миссии Иисуса или учеников²¹.

Наряду с этими основанными на тексте аргументами против точки зрения Стотта мы должны назвать и два богословских аргумента. Во-первых, связь, которую проводит Стотт между делами Иисуса Христа и социальным служением, очень слабая.

¹⁹ Carson D. *The Gospel According to John*. С. 648.

²⁰ На это указывает фраза «Сказав это». См. Carson D. *The Gospel According to John*. С. 649.

²¹ Kostenberger A. *The Mission of Jesus and the Disciples...* С. 215.

Дела Господа были чудесами: Он накормил голодных, сделав из нескольких хлебов и рыб столько, что хватило для насыщения тысяч, для демонстрации Своей сверхъестественной силы. Скачок от этого чуда до благотворительной столовой – жалкое упрощение, едва ли убедительное. Переход от чудесных исцелений к оказанию медицинских услуг, на мой взгляд, настолько же подозрителен. Его чудеса были уникальными и служили особой цели, чтобы подтвердить Его мессианство (см. Матф. 11:4-5; Иоан. 2:11). Нет никакого сомнения, что Иисус был движим состраданием к бедам и нуждам людей, но неверно делать вывод, что главное в этих чудесах – сострадание. Господь славы явно обладал достаточной силой, чтобы исцелить всех, но Он этого не сделал.

Против такого аргумента, какой приводят Стотт и другие, говорят слова Самого Иисуса, когда Он сталкивался с неотложными нуждами людей. В Марка 1:36-38 указано должное место чудес Христа во всем Его служении:

Симон и бывшие с ним пошли за Ним и, найдя Его, говорят Ему: «Все ищут Тебя». Он говорит им: «Пойдем в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать, ибо Я для того пришел».

Иисус Сам называет Свою цель – проповедовать; вот Его слова: «Ибо Я для того пришел». Эти слова в полной мере соответствуют тому, что мы видели в Иоанна 4:34-38 и особенно в Иоанна 17:4-6. Слова и дела Иисуса не стояли наравне; дела служили словам.

Второе богословское возражение касается использования Стоттом понятия «воплощение» для описания нашей миссии и служения. Говоря прямо, воплощение Христа – это неповторимое и уникальное чудо, его нельзя превращать в банальность, называя «путешествием в другую культуру» или сравнивая с «полетом Аполлона на Луну»²².

Согласно Писанию, Сын Божий воплотился (стал «плотью и кровью»), чтобы Он смог совершить «умилостивление за грехи народа» (см. Евр. 2:14-17). Ему надо было воплотиться, потому что от вечности Он существовал нематериально; а люди по определению уже воплощены! Формулировка Стотта звучит приятно, но в действительности «воплощение», о котором он говорит, сводится к солидарности с теми, кому вы служите. Это кажется принижением невероятного чуда воплощения, как оно представлено нам в Писании. Костенбергер снова по существу критикует Стотта:

Стотт, концентрируясь на *воплощении* Иисуса как на модели для миссии Церкви, кажется, противоречит утверждениям Четвертого Евангелия о воплощении как об абсолютно уникальном, беспрецедентном и неповторимом событии (см. особенно использование слова *monogenes* в 1:14, 18; 3:14, 18). Воплощение связано с Его вечным предсуществованием (см. 1:1, 14) и Его уникальными взаимоотношениями с Отцом (см. 1:14, 18)²³.

По сути, воплощение исключительно и уникально относится к Иисусу Христу. И как было замечено другими, если Стотт может призывать Церковь принять модель воплощения на основании Иоанна 17:18 и 20:21, то почему он не призывает нас подражать Христову искуплению? На каком основании Он выбрал из двух только

²² Stott J. *The Contemporary Christian*. С. 357.

²³ Kostenberger A. *The Mission of Jesus and the Disciples...* С. 216.

одно?²⁴ Я считаю, что этот выбор продиктован его целями, а не текстом. В своем рвении распространять социальное служение он втиснул слишком много багажа в два библейских стиха и одно богословское понятие. Пришло время избавиться от этого багажа и вернуться к ясному повелению Иисуса Христа быть Его свидетелями.

Обновленная приверженность Великому поручению

Все, что здесь написано, вытекает из одного очень важного и глубокого убеждения: миссия, которую Иисус Христос поручил Своей Церкви, не может быть выполнена без провозглашения Слова. Это также основано на том, что меня очень сильно беспокоит: современная Церковь теряет из виду эту истину, и многие теряют решимость стоять против этого мощного течения. Я думаю, что изученное нами в этой главе имеет несколько очень важных следствий для служения миссий.

Во-первых, мы не должны стать жертвами идеи о том, что Великое поручение заключается лишь в благовестии, особенно если оно оторвано от ученичества. Христос повелел нам приобретать учеников, а не подсчитывать количество принятых решений в результате благовестия. Если перед нами стоит выбор донести Евангелие до группы людей только один раз или не делать ничего, конечно, мы должны воспользоваться этой однократной возможностью и доверить Богу сделать остальное. Но недопустимо делать такую форму своей целью или главным принципом служения. Великое поручение остается невыполненным, пока не появятся ученики, которые продолжают повиноваться учению Иисуса Христа и приносить через Него плоды. Мы должны постоянно ставить перед собой эту задачу, формировать стратегию и прилагать усилия для достижения этой цели.

Во-вторых, главным, если не единственным, смыслом любой миссионерской программы должна быть организация долгосрочного ученичества, которое приведет к основанию национальных поместных церквей, способных самостоятельно развиваться. Мы скажем больше об этом в следующей главе, но здесь позвольте сказать прямо, что в любом миссионерском служении внимание должно быть сосредоточено на распространении Слова, поскольку оно, через действие Святого Духа, и есть та сила, которая производит учеников.

Это приводит к важным выводам для миссионеров. Я считаю, что на передовой линии любого миссионерского служения должна находиться проповедь. Это также значит, что неотъемлемой частью труда миссионеров должно быть обучение пасторов/проповедников, поскольку распространение Евангелия в любой местности зависит, с точки зрения человека, от их служения. И я также считаю, что все миссионеры должны быть евангелистами в самом полном смысле этого слова, проповедниками Евангелия Иисуса Христа, призывающими людей к покаянию и вере в Него.

www.propovedi.ru

²⁴ Kostenberger A. *The Mission of Jesus and the Disciples...* С. 216; Johnston A. *The Battle of World Evangelism.* С. 406.